

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И МЫШЛЕНИЯ

Корниенко Олег Васильевич

кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
кафедра «Мировой экономики и международных экономических отношений»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
E-mail: owkornienko@yandex.ru

JEL A120

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И МЫШЛЕНИЯ

Аннотация: В статье анализируется ряд научных публикаций последних лет, посвященных аспектам экономического образования и мышления. Рассмотрены процессы коммерциализации деятельности вузов, которые не приводят к увеличению их эффективности. Дана характеристика основных составляющих академической ренты. Показана специфика формирования «экономического человека» в рамках современных концепций образования. Дана критика формирования экономического мышления на основе категорий неоклассической экономики.

Ключевые слова: нейроэкономика, академическая рента, альтернативные издержки, экономический человек, человеческий капитал, транзакции.

PROBLEMS OF ECONOMIC EDUCATION AND THOUGHT

Abstract: The article analyzes a number of scientific publications of recent years devoted to the aspects of economic education and thinking. The processes of commercialization of the activity of higher educational institutions are considered, which do not lead to an increase in their effectiveness. Characteristics of the main components of academic rent are given. The specifics of the formation of the «homo economicus» within the framework of modern concepts of education are shown. Critic of the formation of economic thinking based on the categories of the neoclassical economy is given.

Keywords: neuroeconomics, academic rent, alternative costs, homo economicus, human capital, transactions.

В 2014 г. в журнале «Вопросы экономики» опубликован целый ряд статей, посвященных проблемам экономики образования: Е. Балацкий, В. Сергеева «Научно-практическая результативность российских университетов» (№2); Е. Басалаева «Как экономическим вузам зарабатывать на науке: подход управленца, бухгалтера, финансиста» (№5); Е. Балацкий – «Оценка академической ренты» (№10). Затем уже в 2016 г. вышеуказанный журнал опубликовал статью, в которой исследуются сходные проблемы: В. Гимпельсон «Нужен ли российской экономике человечески капитал? Десять сомнений» (№10).

Сама по себе тема очень актуальная и интересная, но трактовки многих вопросов в этих работах вызывают некоторое недоумение и напрашиваются на критические замечания.

В первой статье достаточно положительно оценивается политика министерства образования при оценке деятельности вузов по их заработкам от НИР. Вузы, которые не могут достичь определенного уровня по доходам от хоздоговоров «рискуют попасть в число неэффективных и подвергнуться административным санкциям (закрытие, присоединение к другому вузу и т. п.)» [3, с. 132]; если вуз не может заработать на науке, то «считается, что ему нечего предложить рынку, и он становится «неполноценным», превращаясь из университета в обычную школу с немного усложненной программой» [3, с. 133].

Что касается коммерческих заработков вузов, то давно известно, что «в условиях реформированной системы отношений собственности заключение хозрасчётных договоров интенсивно приобрело

криминальные черты, особенно применительно к взаимосвязям вузов и частных фирм. Владельцы последних используют оплату «научно-исследовательских услуг» вузов как скрытую форму взяток руководителям этих вузов, как правило, выступающим и в роли «руководителей научных тем» [6, с. 151].

А вуз может являться «школой с усложненной программой» и при наличии большого объема коррупционных хоздоговоров.

Авторы также активно продвигают идею создания класса экономистов-технологов [3, с. 144]. По этому пути уже давно идет Высшая экономическая и Российская экономическая школы: «как можно видеть, в ВШЭ и РЭШ социальные науки превращаются в аналог естественных, имеющих непосредственный выход в сферу технологий и создающих возможности для коммерческой деятельности» [3, с. 143].

Какие же технологии разрабатываются в рамках ВШЭ и РЭШ? Оказывается, там активно развиваются такие направления, как нейроэкономика и форсайт-технологии.

Главное достижение нейроэкономистов сформулировано с предельной ясностью и полезностью: «благодаря нейроэкономическим методам сегодня уже довольно точно оцифровано такое трудноуловимое понятие, как счастье» [3, с. 143]. Очень жаль, что пока не оцифрованы такие нелегко уловимые понятия, как горе, радость, печаль, любовь, ненависть, презрение. Надо думать, что факультет психологии ВШЭ и его группа когнитивной психофизиологии скоро их оцифрует.

Форсайт оказался «новым подходом к формированию будущего» [3, с. 144]. В рамках ВШЭ уже давно создана соответствующая кафедра, которая серьезно конкурирует с Нострадмусом, Вангой и Марией Ленорман.

Во второй статье справедливо отмечается, что «низкий уровень оплаты труда преподавателей не обеспечивает должного удовлетворения базовых потребностей, и на полноценную научную работу у преподавательского состава не остается ни сил, ни времени» [4, с. 110].

Позволим напомнить читателям, что в 1918 г. в период «военного коммунизма» было введено распределение продуктов – т.н. «классовый паек». Получатели пайка делились на 4 категории:

- лица, занятые тяжелым физическим трудом;
- лица, выполняющие обычные трудовые операции, а также дети;
- служащие, представители свободных профессий, члены семей рабочих и служащих,
- лица, не занимающиеся личным трудом (в т.ч. владельцы предприятий и торговцы).

В Москве паек данным группам выдавался в соотношении 4:3:2:1, а в Петрограде – 8:4:2:1.

Так вот, по воспоминаниям знаменитого социолога Питирима Сорокина, «профессора как «полупаразитическая прослойка», получали карточки второй категории, которые едва позволяли не умирать с голоду» [8, с. 50].

Нынче профессора и другие более мелкие разновидности преподавателей рассматриваются уже как полностью и целиком паразитическая прослойка (преподаватели ведь не находятся у «станка» полный рабочий день как функционеры), не заслуживающая права на существование, а достойная быть уничтоженной как класс. Отсюда и «политика партии» на сокращение действующих преподавателей и увеличение учебной нагрузки у существующих. В то же время количество не работающих со студентами в аудитории деятелей в вузах систематически растет и никто не собирается их сокращать или увеличивать им нагрузку, которая изначально равна нулю.

Вернемся, однако, к рассматриваемой статье. Автор призывает исправить ситуацию при помощи заключения хоздоговоров с коммерческими организациями. В качестве посредников между преподавателями и заказчиками предлагается создать при вузе некую службу, состоящую из 5-7 сотрудников, которая будет искать готовые заказы и при этом «применять технологии продаж, давно доказавшие свою эффективность в коммерческих организациях: составление «длинных» списков; «холодные» и «горячие» звонки; назначение встреч; подписание договоров; мониторинги исполнения

договоров и степени удовлетворенности заказчика выполненными работами» [4, с. 117].

Автор статьи даже не догадывается, что если создать такой отдел, то количество сотрудников в нем скоро увеличится до 10, потом до 20, затем разделится на подотделы по очистке от бродячих животных и сектора, сотрудники которых будут зарабатывать гораздо больше, чем выполняющие заказы преподаватели: «создание новых отделов, служб, центров происходит в вузах вегетативным путём – почкованием. Часто новая структура в вузе создаётся «под ключ» для сына или дочери чиновника, занимающего высокую должность в вузе, а также для его племянников, деверей, зятьёв, пасынков и падчериц, воспитанниц, любовниц, кандидаток в фаворитки, зазноб, шуринов, своячениц, снох, золовок, свёкров и тещ, внуков, одноклассников, собутыльников и прочих поделельников» [11].

В третьей статье речь идет об академической ренте, которую якобы получает преподаватель. Она состоит из денежной ренты (надбавки к зарплате за степени-звания, а также рост доходов при получении высоких должностей) и неденежной академической ренты, которая делится на:

- удовлетворение от творческого труда;
- академическое признание;
- академическую свободу;
- высокую репутацию академического труда в обществе [2, с. 99, 100].

Считается, отмечает автор, что «человек с солидным экономическим потенциалом может получить в коммерческом секторе более высокий доход, чем в университетском» [2, с. 98], но, тем не менее, он остается в вузе, несмотря на низкий доход, во многом благодаря высокой неденежной академической ренте.

Например, парадокс увеличения профессорско-преподавательского состава вузов на 90% за последние 17 лет, несмотря на катастрофическое падение заработков, объясняется тем, что «очевидный проигрыш в деньгах более чем компенсируется нематериальными агрегатами академической ренты» [2, с. 101].

Позволим себе усомниться в выводах, озвученных в данной статье. Во-первых, далеко не факт, что преподаватель будет зарабатывать больше в коммерческой среде. Возможно, он вообще не найдет работу, поскольку обладает специфическими знаниями и умениями, которые абсолютно не востребованы в современном бизнесе. Для коммерции нужны спортивные молодогвардейцы на персональных автомобилях, необходимых для доставки товаров в срок.

Во-вторых, то, что опытные преподаватели не торопятся увольняться, несмотря на низкую зарплату, а начинающие не обращают на такие мелочи (в прямом и переносном смысле) внимания, объясняется вовсе не тем, что они получают в вузе удовлетворение от творческого труда, жаждут академических признаний и свобод, а также репутации в обществе. Главная причина заключается в коррупционной академической ренте, которую автор статьи забыл упомянуть в своих выкладках.

Возможность творчества и свобода, вероятно, важны для преподавателей привилегированных учебных заведений типа Высшей школы экономики, Российской экономической школы, МГУ, МГИМО, Финансовой академии при правительстве, но никак не для подавляющего числа вузов.

Главная составляющая коррупционной ренты – это, без сомнения, поборы со студентов в рамках зачетов, экзаменов, подготовки и защиты курсовых и дипломных работ: «естественно, представителей данной категории преподавателей (обычно не занимающих высших постов) иногда ловят за получение мзды и даже арестовывают. Но обычно администрация вузов их выкупает. Дальнейшая судьба уличенных взяточников иногда может вызвать зависть у менее удачливых коллег: очень часто освобожденные из мест заключения через некоторое время получают повышение по службе. Логика «верховных бонз» предельно проста: своих, доказавших лояльность к существующей системе, надо поощрять» [6, с. 149].

В статье В. Гимпельсона отмечается, что «на этапе устройства на работу происходит тщательный отбор тех, кто реально знает и умеет, от тех, у кого «корочки» есть, а квалификации нет» [5, с. 140].

Мысль, вероятно, верна для ряда сфер экономики, но никак не для сферы высшего образования. Здесь обладатели липовых корочек процветают, занимают руководящие посты и «отсортировать» их по профнепригодности нельзя; они сами кого хочешь отсортируют: «многие ректоры, а также проректоры и деканы современных российских вузов являются фиктивными, то есть приобретшими за немалые деньги звания профессоров и степени докторов наук на специфическом рынке. Естественно, учебный и научный процесс интересует их меньше всего. Единственное, что их занимает серьезно, это «отжимание» денег из всего, что движется, дышит или хотя бы шевелится» [13].

К обсуждаемым выше публикациям, прежде всего по этическим подходам, примыкает еще одна статья-рецензия – О. Антипина – «Экономикс» для неэкономистов (О книге Л.С. Гребнева «Анти-СаМ: что «не так» учебниках П. Самуэльсона, Н. Мэнкью...») («Вопросы экономики», 2014, №10).

Большой интерес представляет следующая цитата из данной работы: «...понятие альтернативных издержек, важное для выработки у студентов экономического мышления» [1, с. 130]. Вот уж позвольте не согласиться с тем, что это понятие вырабатывает экономическое мышление. Если оно что-то и вырабатывает, то формирование пресловутого «хомо экономикус».

Позволим себе привести длинную цитату из основателя неоклассики: «Нравственные мотивы также входят в состав тех сил, какие экономист должен учитывать. Предпринимались, правда, попытки сконструировать некую абстрактную науку о действиях «экономического человека», свободного от всяких нравственных принципов, расчетливо и энергично, но вместе с тем методически и эгоистично наживающего деньги. Однако эти попытки успеха не имели» [16, с. 46].

Вообще в качестве основных категорий экономической науки, перечисляемых автором этой статьи и, соответственно, являющихся основными в книге Гребнева «Анти-СаМ», перечисляются (кроме альтернативных издержек) – сравнительные преимущества, круговые потоки, производственная функция, предпочтение настоящего, неопределенность и т.п. [1, с. 127]. Полный джентльменский набор для превращения студента в зомби. Человек, странствующий по экономическому миру с багажом из этих понятий, способен разве что максимизировать прибыль на основе карьеры «по трупам».

Данный зомби, или яппи, размечающий свои альтернативные издержки, как землемер К., при помощи рулетки (в лучшем случае с теодолитом), будет свято верить, что законы против курения будут способствовать улучшению здоровья нации, между тем как законодательное увеличение цен на сигареты способствует только баснословным прибылям табачных корпораций (при этом известно, что не менее 80% этого рынка в России контролируют американские, британские и японские концерны). Что борьба с табакокурением важнее борьбы с лицемерием депутатов, принимавших эти декреты, и коррупцией чиновников вообще. Что победа на разорительной, с экономической точки зрения, субтропической зимней олимпиаде важнее строительства спортплощадок во дворах.

Лучом света в темном царстве в этом ряду публикаций журнала «Вопросы экономики» на теоретические и близкие к ним темы выглядит статья Б. Корнейчука «Этическая экономия М.И. Туган-Барановского и вызовы глобального развития (К 150-летию со дня рождения ученого)», 2014, №12).

Автор статьи отмечает, что «в свойственном ему новаторском духе Туган-Барановский отказывается от общепринятого постулата о тождестве ценообразования и распределения... В сфере распределения участники актов обмена не только не равны в социальном отношении, но именно в этом неравенстве и состоит сущность распределения» [10, с. 120].

В этой статье заданы три основных положения, которые придают экономической науке гуманитарный статус: проблема распределения, социальные отношения, этика.

Л. Вальрас выделял социальную экономию в особую науку, в рамках которой главной проблемой является распределение доходов. Соответственно, его общая теория равновесия сформирована без всякого намека на проблематику распределения в рамках «чистой экономики».

Даже советские экономисты признавали невозможность построения идеальной математической

модели экономики с учетом проблемы распределения доходов.

Интерес представляет забавное замечание советских экономистов В.Л. Макарова и А.М. Рубинова о том, что экономическая система имеет сложность, превышающую порог, до которого в состоянии добраться точная математическая теория, поскольку набор всевозможных факторов так велик, что разрушает любую возможную теоретическую конструкцию. Поэтому возникла идея анализировать экономику без учета процессов распределения. Именно эта парадоксальная мысль сделала возможным возникновение математической теории оптимальной экономики, которую на Западе кличут «экономикой благосостояния». Построение оптимальной модели экономики, утверждают ученые, напоминает деятельность великих утопистов прошлого [14, с. 11].

Распределение, в свою очередь, зависит во многом, если не во всем от этических аспектов. По Вальрасу, например, распределение общественного богатства между людьми является моральным фактором.

Главной задачей экономической науки в представлении экономистов немецкой исторической школы, по мнению английского ученого Джона Невилла Кейнса, являлась необходимость «установить такую норму правильного производства и распределения богатств, которая бы удовлетворяла требованиям справедливости и нравственности» [9, с. 19].

Поэтому, когда нам предлагают создавать экономистов-технологов, калькулирующих на планшетах последней модели свои транзакционные и альтернативные издержки, становится темно и страшно: «главное, что вынес Экономикус из студенческих лет, – это то, что за деньги можно купить, что тебе надо, их можно возместить во все ущербы, но не всегда они есть. Для этого есть банк, в котором можно деньги занимать в долг, их обязательно отдавать. Закончив месяц, зарабатывают их» [12, с. 190].

Подарок современным маркетоведам и рекламолюбам от Вернера Зомбарта: «Что современная реклама в конечном счете в эстетическом отношении отвратительна, в нравственном – бесстыдна, это ныне слишком само собою разумеющийся факт, чтобы его приходилось подкреплять хотя бы одним словом доказательства» [7, с. 181].

Наконец, всем поклонникам (-цам) экономической науки презент на 14 и 23 февраля, а также на 8 марта от гиганта мысли и отца кривой спроса Огюстена Курно, изложенный им в книге «Исследование математических принципов теории богатства»: «С тех пор, как столько нравственных причин, не поддающихся ни перечислению, ни измерению, воздействует на закон спроса, очевидно, что нам следует ожидать выражения этого закона в алгебраической форме не более, чем закона смерти».

Учебники и трактаты российских дореволюционных экономистов очень часто начинались не с проблем альтернативных издержек или кругооборота расходов и доходов, а с большой главы о народонаселении. Проблематика численности населения, по крайней мере, в РФ, напрямую связана с проблемами этики и распределения.

Необходимо помнить, что население России год от года сокращается и этот процесс не остановить без намека на справедливость распределения доходов. Да, в большей части регионов РФ семьи нуклеарные (т.е. каждый ребенок выступает в качестве расходной части семейного бюджета, а не доходной как в патриархальной семье), но это часть платы за цивилизацию. Рост населения страны станет возможным только в том случае, если многие семьи смогут воспитать и дать образование как минимум трем детям, что практически невозможно в рамках нынешнего распределения доходов, когда многодетные семьи могут позволить себе иметь деятели уровня так называемых «олигархов» (а по научному – всякое быдло, что в переводе с польского означает «скот»).

Тезис о том, что более двух детей в семье могут позволить себе только отдельные плутократы, разумеется, несколько утрирован. Есть еще несколько категорий граждан, способных обеспечить рождаемость. Прежде всего это чиновники, в том числе госкорпораций, продажные журналисты всех уровней (теле-, радио-, газетные и сетевые колумнисты и блогеры), отдельные поп-артисты и

футболисты-хоккеисты. Всё.

Когда-то давно болельщики московского «Локомотива», обескураженные предательством их любимца Игнашевича, перебежавшего за существенную мзду к их лютым врагам, вывесили на трибуне транспарант «Игнашевич». На основе этой репризы предлагается в словарях современного русского языка понятия честь и совесть трактовать не иначе как $\text{ч}\epsilon\text{\$т}\text{ь}$ и $\text{\$ов}\epsilon\text{\$т}\text{ь}$, поскольку эти слова представителями экономического постмодернизма трактуются именно так.

Необходимо помнить, что цены на жилье в нашей родной и широкой стране в сопоставлении с зарплатами таковы, что значительная часть населения вынуждена гнить в коммуналках, общежитиях или на съемных квартирах: «история почти всех эпидемий показывает, что наибольшее число жертв приходится на те низшие классы общества, которые плохо питаются и живут скученно в грязных и тесных помещениях» [15, с. 42].

Гоняясь за повышением индекса цитирования и эффективными контрактами, сидя в покойных креслах в национальных исследовательских и опорных университетах, нынешние постмодернисты от экономической науки ссылаются друг на дружку, забывая открывать и цитировать классиков. В результате получилось, что слова этика, мораль, нравственность практически исчезли из вокабулярия экономистов и теперь их можно встретить разве что у Мальтуса, Маршалла, Зомбарта, Туган-Барановского, а в нынешних монографиях и статьях упоминаются только сравнительные издержки, альтернативные преимущества, кругообороты, трансакции да потоки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антипина, О. (2014) «Экономикс» для неэкономистов / О. Антипина // Вопросы экономики. – 2014. – №10.
2. Балацкий, Е. (2014) Оценка академической ренты / Е. Балацкий // Вопросы экономики. – 2014. – №10.
3. Балацкий, Е., Сергеева, В. (2014) Научно-практическая результативность российских университетов / Е. Балацкий, В. Сергеева // Вопросы экономики. – 2014. – №2.
4. Басалаева, Е. (2014) Как экономическим вузам зарабатывать на науке: подход управленца, бухгалтера, финансиста / Е. Басалаева // Вопросы экономики. – 2014. – №5.
5. Гимпельсон, В. (2014) Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений / В. Гимпельсон // Вопросы экономики. – 2016. – №10.
6. Елецкий, Н.Д., Корниенко, О.В. (2007) Коррупция в вузах как элемент системы неформальных институтов Современной России. В кн.: Неформальные институты в современной экономике России (Материалы Третьих Друкеровских чтений) / Н.Д. Елецкий, О.В. Корниенко. – М., 2007. – 224 с.
7. Зомбарт, В. (2004) Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / В. Зомбарт. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 618 с.
8. Ильюхов, А.А. (2007) Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны / А.А. Ильюхов. – М.: Росспэн, 2007. – 261 с.
9. Кейнс, Дж. Н. (1899) Предмет и метод политической экономии / Дж. Н. Кейнс. – М., 1899. – 277 с.
10. Корнейчук, Б. (2014) Этическая экономия М. И. Туган-Барановского и вызовы глобального развития / Б. Корнейчук // Вопросы экономики. – 2014. – №12.
11. Корниенко, О.В. (2015) Наши университеты научились только плодить проректоров / О.В. Корниенко // Литературная Россия. – 2015. – №5.
12. Корниенко, О.В. (2014) Похождения Экономикуса / О.В. Корниенко // ЭКО. – 2014. – №5.
13. Корниенко, О.В. (2017) Танцы вокруг диссертационной ловушки / О.В. Корниенко // Независимая газета. – 2017. – 8 февраля.

14. Макаров, В.Л., Рубинов, А.М. (1973) Математическая теория экономической динамики и равновесия / В.Л. Макаров, А. М. Рубинов. – М.: Наука, 1973. – 336 с.
15. Мальтус, Т. (1993) Опыт закона о народонаселении. В кн.: Антология экономической классики / Т. Мальтус. – М.: Эконов, 1993. – 487 с.
16. Маршалл, А. (1983) Принципы экономической науки / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1983. Т. I. – 416 с.